

Ковалёва К. Л.,

Харьковский национальный педагогический университет имени Г. С. Сковороды, г. Харьков

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И АСПЕКТЫ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ

У статті автор простежує становлення теорії інтертекстуальності та аналізує широку й вузьку концепції в роботах початку ХХ ст. та сучасних дослідженнях. Розглядає можливість і доцільність їх застосування в лінгвістичних дослідженнях.

Ключові слова: інтертекстуальність, широка концепція, вузька концепція, поліфонізм, міжтекстова взаємодія, скриптор.

В статье автор прослеживает становление теории интертекстуальности и анализирует широкую и узкую концепции в работах начала ХХ в. и в современных исследованиях. Рассматривает возможности и целесообразность их применения в лингвистических исследованиях.

Ключевые слова: интертекстуальность, широкая концепция, узкая концепция, полифонизм, межтекстовое взаимодействие, скриптор.

The author traces the formation of intertextuality theory and analyses broad and narrow conceptions in the works of the early ХХth century and in modern research, considers opportunities and reasonability of their application in linguistic studies.

Key words: intertextuality, a broad concept, a narrow concept, polyphony, intertextual interaction, scriptorium.

Лингвистика текста является одним из наиболее активно развивающихся направлений современного языкознания. Подвергаются анализу как текст в целом, так и различные текстовые категории, в частности категория интертекстуальности, проявляющаяся во всех вербальных и невербальных текстах. Интертекстуальность стала неотъемлемым структурообразующим элементом и одним из ключевых художественных приемов литературы ХХІ в. Сама реальность, окружающая человека, сейчас воспринимается как тотальный интертекст. Именно поэтому исследование феномена интертекстуальности представляется **актуальным**.

Понятие интертекстуальности рассматривается учеными в рамках двух концепций: широкой (Р. Барт, М. Бахтин, Б. Гаспаров, Ж. Деррида, Ж. Женетт, Ю. Кристева, Ю. Лотман, М. Риффатерр, И. Смирнов, и др.) и узкой (И. Арнольд, П. Ван ден Хевель, Л. Дэлленбах, Н. Кузьмина, Н. Фатеева, и др.). Эти концепции не противоречат друг другу, а отличаются объектом исследования. В соответствии с широкой концепцией, интертекстуальность представляет собой любой способ межтекстового взаимодействия, осуществляемый с помощью как вербальных, так и невербальных средств, как на уровне содержания, так и на уровне языковых средств воплощения содержания. Узкая концепция интертекстуальности заключается в сознательном и маркированном использовании межтекстовых связей между данным текстом и предшествующим ему текстом или группой текстов. О существовании двух моделей интертекстуальности, говорит В. Чернявская, соотнося первую с литературоведческим анализом, вторую – с лингвистическим.

Целью настоящей статьи является краткий обзор и анализ основных концепций теории интертекстуальности.

Традиционно считается, что источниками теории интертекстуальности являются теория анаграмм Ф. де Соссюра, учение о пародии Ю. Тынянова и концепция диалогичности М. Бахтина. Несомненную ценность для теории интертекстуальности представляют также историческая поэтика А. Веселовского, работы русских формалистов П. Медведева и В. Волошинова – «круг Бахтина», теория эволюционного развития литературного произведения, представленная в работах В. Жирмунского, Б. Томашевского, В. Шкловского. Американские исследователи интертекстуальности Дж. Стил и М. Уортон считают, что этот феномен существует со времен начала письменной цивилизации человечества, и излагают историю интертекстуальной теории, начиная с диалогов Платона.

В конце ХХ в. сформировалось несколько направлений в изучении интертекстуальности. В 80-е г.г. ХХ в. интертекстуальность трактуется как взаимоотношение между конкретными языковыми текстами и исследуется в герменевтическом аспекте. В современной лингвистике начала ХХІ в. все чаще используется интегративный подход, в рамках которого текст изучается во взаимодействии культурного, социального и исторического контекста.

Сам термин «интертекстуальность» появился впервые в статье Ю. Кристевой «Бахтин, слово, диалог и роман» (1967) и был воспринят как новаторский. Ю. Кристева закладывает основы учения об интертекстуальных связях, базирующиеся на работах М. Бахтина. Анализируя ключевую для ученого идею «полифонизма», т.е. соприсутствия в тексте нескольких «голосов», Ю. Кристева отмечает, что любой текст ведет диалог с другими текстами и, в свою очередь, является основой будущих текстов – такое свойство автор назвала интертекстуальностью [6]. Для Кристевой интертекст не является устройством, с помощью которого любой новый текст воспроизводит предшествующий текст. Напротив, интертекстуальность – это бесконечный процесс, следовательно, текстовая динамика. Исследовательница отрицает традиционные для литературоведения рассуждения об «авторских влияниях» и «текстовых источниках», утверждая, что все знаковые системы создаются, трансформируя все предыдущие знаковые системы.

Таким образом, интертекстуальность в данной концепции предстает как постоянный процесс взаимодействия текстов (как идей, так и способов их воплощения) в общей цепи мировой культуры.

Идеи М. Бахтина о «чужом слове» и диалогичности явились отправной точкой для построения современной теории межтекстовых связей и получили широкое развитие в трудах постструктуралистов.

В рамках **широкой, или радикальной концепции** интертекстуальности французские постструктуралисты исследуют явление интертекстуальности с точки зрения философии языка, всей языковой деятельности человека и культуры в целом. «Мир есть текст» – один из известных тезисов постмодернизма, провозглашенный Ж. Деррида. Тезис свидетельствует о том, что «внетекстовой реальности вообще не существует». Вся человеческая культура рассматривается как некий единый интертекст.

В книге «О грамматологии» (1967) Ж. Деррида отводит центральное место понятию «письма», изображающего языковую деятельность как непрерывно развертывающийся процесс. Автор отмечает, что каждое новое высказывание «пишется», как палимпсест, поверх предыдущих высказываний. Расширение границ понимания текста породило картину «универсума текстов» (по выражению Ж. Деррида), – процесса, в котором отдельные безличные тексты до бесконечности ссылаются друг на друга и на все сразу, являясь лишь частью «всеобщего текста».

Крупнейшим теоретиком данной концепции интертекстуальности является Р. Барт. Развивая основные положения интертекстовой теории, он опирается на множественность культурных кодов. Ученый определяет интертекстуальность как неотъемлемое условие существования текста, поскольку текст не существует сам по себе, а поглощает и перемешивает «обрывки культурных кодов»: *«Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нём на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат...»* [2, с. 417]. Ставя знак равенства между текстом и интертекстом, ученый тем самым утверждает, что интертекстуальность является не отдельным явлением, а общим принципом литературы – это способ раскрытия текста во внешний мир. Поиски источников безнадежны, текст растворяется в явных и неявных цитатах. Отсюда и представление о мире как о глобальном тексте, в котором все уже сказано. Таким образом, текстуальность и интертекстуальность понимаются как взаимообуславливающие друг друга феномены, что ведет, в конечном счете, к уничтожению понятия «текст».

Представляет интерес размышление Р. Барта о «смерти автора», который уступает место «скриптору». Скриптор организует и компонуется в «многомерное пространство» уже сказанное, написанное и прочитанное.

Последователь Р. Барта Л. Женни определяет интертекстуальность как новый способ чтения, а интертекстуальную отсылку – как место альтернативы: продолжать чтение, имея ввиду текст-источник, или считать, что текст не испытал на себе влияние другого текста.

Концепция М. Риффатерра занимает промежуточное положение между широким и узким пониманием и учитывает роль читателя в интерпретации текста. Устанавливая, что интертекст, становится результатом процесса чтения, М. Риффатерр предполагает, что читатель должен использовать собственные культурные компетенции, которые станут уникальными критериями, разрешающими опознать наличие интертекстуальности. Следовательно, каждый угадываемый код становится интертекстуальным. В таком случае интертекст представляет собой своего рода «принуждение», и если читатель не распознаёт его, значит, он не в состоянии разглядеть и самой сущности текста. Главным отличием концепции М. Риффатерра является то, что интертекст – это не абстрактный «социальный текст», а семантическая единица, без понимания которой восприятие текста затруднено.

Таким образом, благодаря исследователям-постструктуралистам были заложены основы теории интертекстуальности, определен её терминологический аппарат, интертекстуальность приобрела значение всеобщего семиотического закона.

Русская традиция исследования интертекстуальности берет свое начало в трудах представителей тартуско-московской семиотической школы – Ю. Лотмана и П. Торопа. В рамках семиотической концепции понятие текста получает расширенную трактовку: вся культура рассматривается как текст, который может иметь не только вербальную, но иные формы репрезентации (рисунки, фотографии и др. артефакты культуры как вторичные семиотические системы). *«Семиотическое пространство, – отмечает Ю. Лотман, – предстает перед нами как многослойное пересечение различных текстов, вместе складывающихся в определенный пласт, со сложными внутренними соотношениями...»* [7, с. 42]. По мнению Ю. Лотмана, текст не является застывшей и неизменной величиной, автор, создавая произведение, находится под влиянием литературной традиции, окружающей действительности, своих собственных произведений, тем самым вбирая в себя всю предшествующую культуру.

На таких же позициях стоит теоретик литературы И. Смирнов, рассматривающий интертекстуальность как текстопорождающий процесс. Автор определяет интертекстуальность как *«слагаемое широкого родового понятия, так сказать, ИНТЕР <...> АЛЬНОСТИ, имеющего в виду, что смысл художественного произведения... формируется посредством ссылки на иной текст...»* [8, с. 11]. И. Смирнов создает собственную типологию интертекстуальности, неразрывно связанную с общей языковой концепцией структурализма. Он дифференцирует интертекстуальность как диахроническую и синхроническую, понимая временную величину как культурную, где *«предшествующие и последующие тексты могут выразить установку одной и той же эпохи»* [там же, с. 48]. Автор связывает дальнейшую разработку интертекстуальной теории с теорией памяти, развивая, таким образом, концепцию Р. Лахманн. Это позволяет рассматривать интертекстуальность в когнитивном аспекте.

Российский ученый Б. Гаспаров трансформирует в теорию интертекстуальности теорию подтекста. Он понимает интертекстуальность как непреходящую и принципиальную открытость материала, который пронизывает собою текст. В работе «Язык. Память. Образ», ученый развивает теорию интертекстуальности, при этом, еще не используя сам термин «интертекстуальность»: *«Наша языковая деятельность осуществляется как непрерывный поток «цитации», черпаемой из конгломерата нашей языковой памяти»* [3, с. 14].

Наряду с описанными существуют теории, авторы которых пытаются сузить понятие интертекстуальности.

В соответствии с **узким подходом** под интертекстуальностью понимаются диалогические отношения, при которых один текст содержит конкретные и явные отсылки к предшествующим текстам. Благодаря именно «узкой концепции» термин «интертекстуальность» получил широкое употребление.

Первая попытка теоретической разработки и систематизации интертекстуальных элементов принадлежит Ж. Женетту. В работе «Палимпсесты: Литература во второй степени» (1982) [3] автор предлагает пятичленную классификацию разных типов взаимодействия текстов, из которой следует, что для Ж. Женетта (в отличие от Ю. Кристевой) интертекстуальность – это один из типов взаимосвязей, реализующихся в таких приёмах как цитата, аллюзия, плагиат и др. Ученым выделены своеобразные маркеры интертекста, но такая типология отражает идеальные случаи интертекстуальных отношений, тогда как реально происходит взаимопроникновение. Классификация Ж. Женетта дает возможность рассматривать проблему интертекстуальности не только в рамках литературоведческого анализа, но и как лингвистическое явление.

Аналогично считают Л. Дэлленбах и П. Ван ден Хевель, трактуя интертекстуальность предельно узко и конкретно, понимая её «как взаимодействие различных видов внутритекстовых дискурсов – дискурс повествователя о дискурсе персонажей, дискурс одного персонажа о дискурсе другого» [5, с. 208].

Уже упоминавшаяся нами немецкая исследовательница интертекстуальности Р. Лахманн, отмечает, что в рамках узкой концепции об интертекстуальности можно говорить тогда, когда автор намеренно делает взаимодействие между текстами видимым для читателя с помощью особых формальных средств. Не только автор делает это намеренно и осознанно, но и читатель (или исследователь) может верно определить авторскую интенцию и уловить диалогичность данного текста. Интертекстуальность в таком понимании сводится к маркированной интертекстуальности, что даёт возможность детально изучать межтекстовое (интертекстуальное) взаимодействие.

В рамках стилистики декодирования представители российской школы (И. Арнольд) и немецкой (S. Holtius, M. Pfister) ограничивают интертекстуальность намеренно маркированными включениями, т.е. только таким взаимодействием текстов, которые могут быть действительно подтверждены текстом. Только критерий осознанности производимого автором заимствования позволяет говорить о смысловой значимости вводимого элемента для понимания всего текста или его фрагмента.

И. Арнольд подразделяет интертекстуальность на внутреннюю (опознанную) и внешнюю (неопознанную). Внешняя интертекстуальность подразумевает лишь припоминание источника читателем. Примером такого рода явления может служить пародия; внутренняя интертекстуальность предполагает включения фрагмента источника – интекста – в данный текст: «Она (интертекстуальность) реализуется как включение в текст либо целых других текстов другим субъектом речи, либо их фрагментов в виде цитат, аллюзий, реминисценций, либо даже лексических или других языковых вкраплений, контрастирующих по стилю с принимающим текстом» [1, с. 392-393]. И. Арнольд различает языковые проявления интертекстуальности (элементы разных функциональных стилей) и текстовые (реминисценции, аллюзии и цитаты). Автор разрабатывает своеобразную классификацию включений по размеру, функциям и экспрессивности, характеризует кодовые включения, показывает, как различные включения реализуются через заглавие, эпиграф и внутренние цитации.

Н. Фатеева, в монографии «Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов» опираясь на существующие теории интертекстуальности, развивает свою собственную линию, дополняя и уточняя положения предшественников. Исследовательница различает две стороны интертекстуальности – читательскую (исследовательскую) и авторскую: «С точки зрения читателя интертекстуальность – это установка на (1) более углубленное понимание текста или (2) разрешение непонимания текста (текстовых аномалий) за счет установления многомерных связей с другими текстами ($T > 1$)». И это, конечно же, зависит от компетентности читателя. «С точки зрения автора интертекстуальность – это способ генезиса собственного текста и постулирования собственного поэтического «Я» через сложную систему отношений оппозиций, идентификаций и маскировки с текстами других авторов (т.е. других поэтических «Я»))» [9, с. 16-20]. Это способ порождения собственного текста и утверждения своей творческой индивидуальности через выстраивание сложной системы отношений с текстами других авторов. Это могут быть отношения идентификации, противопоставления или маскировки.

Н. Фатеева создала подробную классификацию интертекстуальных элементов и связывающих их межтекстовых связей, основанную на разработках П. Торопа и Ж. Женетта, обратив внимание на частные случаи интертекстуальности.

В рамках синергетического подхода интертекстуальность и интертекст как текстообразующий и смыслообразующий компоненты рассматриваются в монографии Н. Кузьминой «Интертекст и его роль в процессах функционирования поэтического языка» (1999). Автор определяет интертекстуальность как маркированную определенными языковыми сигналами «перекличку» текстов.

Таким образом, рассмотрев становление теории интертекстуальности, можно сказать, что в современной филологии сложились две основные концепции в ее изучении: широкая постструктуралистская и узкая структуралистская. Согласно первой точке зрения, каждый текст интертекстуален, потому что функционирует как объединение смыслов всех предыдущих употреблений языковых единиц. Вторая направлена на вычленение в тексте интертекстуальных фрагментов и соотнесение их с конкретными претекстами. В русле структурализма особого внимания заслуживает структурно-семиотический подход М. Риффатерра и Ж. Женетта, который лег в основу не только литературоведческого, но и лингвистического анализа. Исследование языковых маркеров, а также закономерностей функционирования интертекстом в тексте позволит лингвистам добиться более глубокого исследования текста, так как зачастую без учета интертекстуальных ссылок понимание текста оказывается затруднительным, а порой и невозможным.

Несмотря на различие подходов к пониманию интертекстуальности, в каждом из них присутствует общий тезис: интертекстуальность – это «переключка» текстов, вербализованная определенными сигналами, их диалогичность.

Мы придерживаемся узкой концепции интертекстуальности, т.к. при широком толковании этого понятия его границы расширяются и теряется предмет исследования. Перспективами нашей работы является дополнение классификации интертекстом новыми элементами, выделенными в ходе языкового анализа произведений Б. Акунина.

Литература:

1. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И. В. Арнольд. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – 444 с.
2. Барт Р. От произведения к тексту / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М. : Прогресс, 1989. – С. 417.
3. Гаспаров Б. М. Язык. Память. Образ. / Б. М. Гаспаров. – М., 1996. – 352 с.
4. Женетт Ж. Палимпсесты: Литература во второй степени / Ж. Женетт // Фигуры: Работы по поэтике: в 2 т. – М., 1998. – С. 79-93.
5. Ильин И. И. Современное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины / И. И. Ильин. – М. : Прогресс, 1999. – 320 с.
6. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / пер. с фр. и вступ. сл. Г. К. Косикова. – М. : Прогресс, 2000. – С. 427-457.
7. Лотман Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. – М. : Гнозис, 1992. – 272 с.
8. Смирнов И. П. Порождение интертекста. (Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака)/И. П. Смирнов. – СПб., 1995. – 206 с.
9. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности / Н. А. Фатеева. – М., 2007. – 280 с.